

3. Аванесова Г. А. Новые познавательные ориентиры в современном социогуманитарном познании // Соц.-гуманит. знания. 2006. № 1. С. 99–110.
4. Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
5. Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
6. Мудрагей Н. С. Рациональное – иррациональное: взаимодействие и противостояние // Рациональность на перепутье : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1.
7. Шамякина Т. И. Проблемы образования с позиций филолога // Социология. 2014. № 1. С. 87–97.
8. Минералова И. Прогресс подлинный и мнимый // Литератур. газета. 2014. № 6.

Поступила в редакцию 04.05.2015.

УДК 316(075.8)

Л. М. ТОМИЛЬЧИК,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ,
ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

ФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ (у истоков минской методологической школы)

Дается анализ предыстории формирования минской методологической школы 1970–80-х гг. С привлечением конкретного материала, относящегося к до- и послевоенной истории Беларуси, показано, что сама возможность зарождения такой школы обусловлена наличием развитого естественно-научного компонента социокультурного ландшафта страны того времени, а именно высоким уровнем физико-математических наук и соответствующего университетского образования.

Ключевые слова: минская методологическая школа; предмет философии; канонизированный диалог; «Тезисы о Фейербахе»; активность субъектов познания.

A prehistory of Minsk methodological school formation in the 1970–80s is given analysis to. The authentic material dated pre- and post-war history of Belarus is used to prove that the possibility giving birth of the school was resulted from a developed natural-scientific component of the country's socio-cultural landscape available in that time, i.e. a high level of physical and mathematical sciences and appropriate university education.

Key words: Minsk methodological school; subject of philosophy; canonized diamat; «Theses of Feuerbach»; activity of subject of cognition.

В ходе обширного интервью, данного академиком В. С. Стёпиным более десяти лет назад в преддверии своего 70-летия, был затронут и вопрос о минской методологической школе, сформировавшейся на базе Белорусского государственного университета в 1970–80-х гг. Причем интервьюер – член-корреспондент Российской академии наук И. Т. Касавин – подчеркнул значимость этого события, по его образному выражению, на «ландшафте марксистской философии» [1]. Поскольку, как хорошо известно, белорусская часть такого ландшафта в области философии и методологии науки сумела зарекомендовать себя как малопривлекательная еще задолго до этого события, то во фразе И. Т. Касавина невольно угадывался некий оттенок такого вопроса: «Как могло случиться, что в начале 1970-х гг. оказалась зарегистрированной яркая вспышка в той области общесоюзного философского небосклона, где отродясь не наблюдалось ни звезд, ни созвездий, а еле-еле просматривалась лишь тусклая туманность, от которой не приходилось ожидать не то чтобы сверхнового, а хотя бы чего-нибудь мало-мальски путного?»

В ходе интервью Вячеслав Семенович пояснил ситуацию, весьма обстоятельно и акцентированно описав стартовые условия того времени, 1950-х – начала 1960-х гг., в которых ему пришлось делать первые шаги [1]. Тем не менее это, если использовать физическую терминологию, взгляд из собственной системы отсчета, т. е. с позиций, так сказать, производителя оригинального методологического продукта.

Полагаем, будет не лишним дополнить картину взглядом из системы отсчета, которая является собственной для потребителя этого продукта, поработавшего некоторое время в области методологии науки в качестве своего рода «подручного сталевара», но оставшегося в границах своей профильной специализации (теоретическая физика).

Помимо дачи дополнительных «свидетельских показаний по делу» о минской методологической школе, хотелось бы поделиться и некоторыми соображениями науковедческого характера.

Для возникновения научной школы необходимо выполнение как минимум двух условий. Это, во-первых, существование соответствующей профессиональной социокультурной среды, в которой подобного рода структура вообще могла бы «выкристаллизоваться»; во-вторых, наличие лидера, способного выступить в качестве «центра кристаллизации». Между тем в таких областях научно-образовательной сферы послевоенной Беларуси, как история, философия и методология естественно-научного знания, оба эти условия отсутствовали.

Регулирование и контроль за развитием философской мысли в Академии наук БССР в 1950-х гг. осуществлялись выходцами из аппарата ЦК КПБ, весь философский багаж которых ограничивался сведениями, почерпнутыми из четвертой главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Тем не менее именно они возглавляли как Институт философии и права, входивший в состав академического отделения общественных наук, так и само отделение. На общую ситуацию не повлияло и то обстоятельство, что в период с 1955 г. по 1961 г. отделом диалектического и исторического материализма института руководил «ссылный» министр культуры СССР, академик Г. Ф. Александров – специалист, достаточно сведущий в вопросах истории западноевропейской философии.

Немногом лучше в этом отношении обстояли дела и на отделении философии исторического факультета БГУ, поскольку и там действовала система жестких идеологических табу. Примеры (причем довольно курьезные) университетских реалий того времени Вячеслав Семенович приводит в своем интервью.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. ситуация начала меняться. Трансформации духовного климата страны в эпоху хрущевской оттепели открыли новые возможности для развития философии и прежде всего той ее области, которая обозначалась термином «философские вопросы естествознания». Здесь формировались новые направления исследования, преодолевавшие предшествующую практику отторжения достижений науки, не согласующихся с упрощенным и догматизированным диалектикой.

В качестве альтернативы была выдвинута программа развития категориального аппарата материалистической диалектики с опорой на достижения естествознания (анализ под этим углом зрения категорий «движение» и «развитие», «пространство» и «время», «причинность» и т. п.).

В начале 1960-х гг. акценты были перенесены на эпистемологическую и методологическую проблематику философии науки. Центральное место в ней заняли вопросы закономерностей научного познания с учетом его исторической эволюции. При таком подходе исторически изменчивыми предстают не только результаты научного исследования (рост научного знания), но и средства, операции, методы и даже общие методологические принципы, обеспечивающие познание все новых областей объективного мира. Характерно, что в этот же период произошел кардинальный поворот и в западной философии науки, в которой после кризиса неопозитивизма возникли направления, ориентированные на историческое исследование приемов и методов построения научного знания (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.).

Формирование в советской философии новых подходов сопровождалось критическим отношением к упрощенным версиям диалектического материализма и обращением к аутентичному марксизму, в котором были акцентированы идеи практической природы познания и системного видения развивающихся объектов, в том числе и самого научного познания.

Разумеется, все эти изменения не были одномоментными. Они охватили почти столетия и разворачивались неравномерно. В тогдашней Беларуси инерция прошлого сохранялась значительно дольше, чем, например, в Москве или Ленинграде.

Ретроспективно оценивая достижения философии и методологии науки 1960–80-х гг., В. С. Стёпин особо отмечал, что основные результаты этого периода были сопряжены с анализом истории математики и физики. Среди естественно-научных дисциплин физика занимала приоритетное в этом отношении место не только

потому, что сохраняла статус лидера естествознания, открывая глубинные закономерности строения и эволюции Вселенной. С методологической позиции выделенность физики определялась тем, что она была наиболее развитой в теоретическом отношении научной дисциплиной. Это позволяло выявлять в методологическом анализе физического знания те аспекты структуры и динамики науки, которые лишь в неявной, «зародышевой» форме содержались в дисциплинах, только вступавших в стадию теоретизации и математизации [2].

Разумеется, для осуществления такого анализа нужна была не только философская, но и соответствующая естественно-научная подготовка, позволяющая глубоко разбираться в анализируемом материале.

В беседе с И. Т. Касавиным В. С. Стёпин специально выделяет два ключевых момента, относящихся к предыстории минской методологической школы. Это своевременное осознание необходимости профессионального знакомства с основами естествознания (в первую очередь физики), а в последующем – регулярные контакты, дискуссии и совместная работа с физиками Академии наук БССР.

И то и другое смогло успешно осуществиться в условиях Беларуси того времени во многом потому, что в отличие от ситуации на «философском фронте» положение дел в сфере физико-математических наук и соответствующего образования оказалось кардинально иным. В республике к началу 1950-х гг. уже существовали и благоприятные традиции, и зачатки оригинальных научных школ. Здесь В. С. Стёпин получал ту необходимую поддержку в своих поисках, которую не находил в философском сообществе Беларуси в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Полагаем, учет данного обстоятельства, безусловно, необходим для понимания феномена минской школы. Поэтому имеет смысл обратиться к некоторым фактам истории становления науки и высшего образования в Беларуси советского периода.

На физико-математическом отделении педфака БГУ в 1928–1931 гг. преподавал профессор Яков Громмер – берлинский ассистент и соавтор работ А. Эйнштейна, рекомендованный на эту должность непосредственно своим руководителем. С 1931 г. до своей безвременной кончины в возрасте 54 лет (1933 г.) он был сотрудником Физико-технического института АН БССР.

В 1929 г. заведующим кафедрой высшей математики БГУ стал выпускник Венского университета Целестин Леонович Бурстин, который после избрания академиком АН БССР в 1931 г. возглавлял Физико-технический институт академии вплоть до рокового в судьбе многих 1937 г. (В следующем году этот институт был расформирован и возобновил свою работу только после войны.)

Едва ли можно считать случайным, что в списке выпускников БГУ конца 1920-х – начала 1930-х гг. значатся такие имена, как Лев Андреевич Арцимович (выпуск 1928 г.), Федор Иванович Фёдоров (1931 г.), Антон Никифорович Севченко (1933 г.). Поиск пути в большую науку привел их в Ленинград – один из ведущих образовательно-исследовательских центров СССР в области физики. Л. А. Арцимович достаточно быстро вошел в состав научной элиты Советского Союза. А. Н. Севченко, пройдя 20-летнюю научную «натурализацию» в знаменитой оптической школе Сергея Ивановича Вавилова, вернулся в Минск в начале 1950-х гг. уже «в компании» с другими продуктивно работающими учеными, успешно перенеся богатые научные традиции Государственного оптического института на белорусскую почву.

В деле «вспахивания и культивирования» этой почвы исключительная роль выпала на долю Ф. И. Фёдорова. В качестве аспиранта Физико-технического института АН БССР он в 1933 г. был откомандирован в аспирантуру при Ленинградском государственном университете, где его научным руководителем стал выдающийся физик-теоретик, один из создателей квантовой теории и активных разработчиков проблем эйнштейновской общей теории относительности Владимир Александрович Фок.

Ф. И. Фёдоров достаточно быстро освоил широкий круг новых концепций и математических методов квантово-релятивистской физики, выполнив оригинальные исследования, результаты которых составили содержание его кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1936 г.

По возвращении в Минск ученый продолжил исследовательскую и преподавательскую работу в Физико-техническом институте АН БССР и одновременно – на физико-математическом факультете БГУ, где в 1933 г. возглавил созданную по его

инициативе кафедре теоретической физики и оставался ее бессменным руководителем на протяжении более двух десятилетий. Именно на этой кафедре возникли первые ростки той белорусской, а ныне международно признанной школы теоретической физики, названной именем ее создателя. В 1948 г. на кафедре появился первый «выпускник» этой школы: кандидатом наук стал ученик Ф. И. Фёдорова – талантливый молодой теоретик и прекрасный университетский лектор Иосиф Залманович Фишер.

Благодаря усилиям Ф. И. Фёдорова и И. З. Фишера физико-математический факультет БГУ по уровню преподавания в конце 1940-х – начале 1950-х гг. фактически не уступал элитным московским вузам, включая МГУ.

Именно блестящие лекции Ф. И. Фёдорова по квантовой механике, а также И. З. Фишера по ядерной физике и электронной теории металлов определили выбор моей будущей научной специализации. Эти же лекторы обеспечивали в те времена и чтение курса физики в рамках обязательной учебной программы для студентов отделения философии исторического факультета БГУ. Важно то, что высокий уровень преподавания обеспечивал надежный иммунитет в отношении крайних проявлений воинствующего материализма в физике. Кроме того, Ф. И. Фёдоров унаследовал от своего учителя – академика В. А. Фока – не только научный багаж, но и методологические принципы, не подверженные, как известно, влиянию идеологической конъюнктуры.

Вячеслав Семенович вспоминает о незабываемом впечатлении от лекций Ф. И. Фёдорова и И. З. Фишера. В свою очередь, Иосиф Залманович в ходе экзамена был настолько поражен уровнем знаний третьекурсника исторического факультета в области физики, что сразу же предложил ему немедленно перевестись на физфак. В. С. Стёпин устоял, однако прослушал интересующие его курсы лекций на физико-математическом факультете с разрешения деканата.

Таким образом, процесс философского самообразования студента В. С. Стёпина органично переплетался с получением профессиональных знаний в области физики в целом и теоретической в частности.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг., остро переживая по поводу полного отсутствия в системе Академии наук БССР (как, впрочем, и в республике в целом) специализированных научных учреждений физико-математического профиля, глубоко беспартийный Ф. И. Фёдоров непрерывно атаковал ЦК КПБ посланиями, в которых обосновывал абсолютную недопустимость такого положения дел. При этом он всячески подчеркивал приоритетную роль физики и математики в системе наук о природе, их определяющее значение для образования. Ответная реакция партийного начальства оказалась достаточно быстрой, но, как принято теперь говорить, несколько «асимметричной». Секретарь ЦК КПБ по идеологии Т. С. Горбунов (по злой иронии судьбы в 1959 г. был «разжалован» в академики и возглавил отделение общественных наук) усмотрел в этих тезисах Федора Ивановича скрытую идеологическую диверсию. Поскольку твердо знал, что основополагающей базой всех наук является марксистско-ленинское учение, а вовсе не какая-то там физика с математикой. В результате возникло и было неоднократно тиражировано официальное обвинение Ф. И. Фёдорова в политической незрелости, что по тем временам могло повлечь за собой соответствующие организационные выводы.

Однако ученый не прекращал своих усилий, ему удалось заручиться поддержкой некоторых светлых голов, входящих в руководство АН БССР, и в конце концов лед тронулся. В 1953 г. началась высадка знаменитого «ленинградского десанта»: действительными членами Академии наук БССР были выбраны и переехали в Минск А. Н. Севченко и Б. И. Степанов, спустя некоторое время «команда» пополнилась В. И. Крыловым и М. А. Ельяшевичем. В том же году в составе Физико-технического института АН БССР был организован физико-математический сектор, а спустя два года (январь 1955 г.) состоялось «рождение» Института физики и математики – событие, которое ознаменовало начало качественно нового этапа в развитии науки и университетского образования в нашей республике.

В новом институте Ф. И. Фёдоров возглавил лабораторию теоретической физики, оставаясь одновременно заведующим университетской кафедрой, где я к этому времени уже стал его аспирантом. В институтской лаборатории я оказался сразу же после окончания аспирантуры в октябре 1957 г.

С В. С. Стёпиным мы познакомились и подружились в 1952 г. на спортивных площадках БГУ. Довольно скоро в круг наших общих интересов вошла тема, обозначенная в заголовке настоящей статьи. Я консультировал его по многим проблемам квантовой механики и электродинамики, невольно поражаясь той легкости, с которой он схватывает суть вопросов, далеко не простых для понимания. Еще больше я был удивлен и обрадован, когда обнаружилось, что в его лице я получил по-настоящему компетентного философа-консультанта. Дело в том, что мой интерес к философии изначально носил не абстрактно-мировоззренческий, а, скорее, теоретико-познавательный характер. Еще школьником я безуспешно пытался выяснить, как Д. И. Менделееву удалось додуматься до своего периодического закона, а М. Планку – до кванта действия. Но когда в процессе усвоения университетского курса электродинамики все тот же сакраментальный вопрос возник у меня в отношении максвелловского тока смещения, то адрес, по которому следовало искать ответ, обозначился предельно четко: теория познания – неотъемлемая часть философии, а ее вершиной является диалектический материализм.

Однако знакомство с каноническим диалектиком разочаровало. Прежде всего, смущала сама практика использования концепций философии как науки о наиболее общих законах природы, человеческого общества и мышления. Получалось так, что, например, о физических закономерностях философия знает нечто большее, чем сама физика.

На проверку же оказывалось, что законы объективной диалектики (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество) применительно к физической реальности сильны, как говорит, задним умом и в содержательном плане не добавляют ровным счетом ничего, кроме специфического терминологического обозначения уже хорошо известного.

Но чувство особенно глубокого неудовлетворения вызывала ключевая ленинская гносеологическая триада: от живого созерцания – к абстрактному мышлению и от него – к практике. Здесь немедленно возникал вопрос: каким образом живое созерцание одной и той же экспериментальной реальности может приводить абстрактное мышление разных исследователей к созданию альтернативных теоретических «портретов» этой реальности, весьма несходных между собой не только в конкретно-модельном, но и в концептуальном плане (А. Ампер, Э. Вебер, М. Фарадей, Дж. Максвелл – электродинамика, В. Гейзенберг и Э. Шрёдингер – квантовая механика, И. Ньютон и А. Эйнштейн – теория гравитации)?

Правда, помимо работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а также Ф. Энгельса «Диалектика природы», в списке рекомендованных первоисточников значился и труд К. Маркса «Тезисы о Фейербахе». В них прямо указывалось, что познающему субъекту объект задан не в форме созерцания, а в форме предметной человеческой практики. Однако внимание студентов на этом пронизательном и глубоко по содержанию высказывании К. Маркса в те времена как-то не акцентировалось. Возможно, потому, что текст тезиса начинался словами: «Недостаток всего предшествующего материализма...», ведь само словосочетание «недостаток материализма», даже с учетом его авторства, звучало не вполне политкорректно.

Своими сомнениями я поделился с В. С. Стёпиным и услышал от него немало чрезвычайно интересного и неожиданного.

Прежде всего, теоретическое знание принципиально не выводимо чисто индуктивным путем из наблюдений. Кроме того, высказывания теоретического языка науки непосредственно относятся не к реальным объектам природы, а к некоторым идеальным конструктам, «репрезентирующим» эти объекты не полностью, а только по некоторым выделенным признакам. Непосредственная область компетенции «диалектики по Гегелю» – это сфера понятий, а онтологизация законов диалектики требует принимать во внимание различие между простыми (механическими) и сложными саморазвивающимися системами. Что же касается абсолютной первичности материального по отношению к идеальному, то и здесь дело обстоит не так просто. В ходе своей реальной деятельности человек испокон веков изобретает нечто, не представленное в природе в готовом виде – будь то колесо, табуретка или радиоприемник. Но при этом любому акту творения непременно предшествует возникновение в голове творца некой программы последующих целенаправленных действий.

Что же касается ленинской триады, то В. С. Стёпин дал ее совершенно новую трактовку по сравнению с общепринятой в то время. Нельзя отождествлять эмпирический уровень научного познания с живым созерцанием и полагать абстрактное мышление характеристикой только теоретического познания. Поэтому ленинскую формулу (от живого созерцания – к абстрактному мышлению и от него – к практике) не следует интерпретировать как описание процесса научного познания в целом, но ее можно сохранить, если рассматривать как характеристику элементарного познавательного цикла, которая многократно повторяется в процессе постижения знаний. Тогда практика выступает не только завершающим, но и начальным этапом этого цикла. Взаимодействие чувственного и рационального проявляется не только на уровне эмпирического исследования (при фиксации данных наблюдений и последующем переходе от них к эмпирическим фактам). Оно присуще также теоретическому поиску, важным аспектом которого является оперирование идеализированными объектами. Последние же функционируют в качестве обобщенных представлений, выражающих сущностные связи исследуемой реальности.

По проблеме связи философии и естествознания было сказано, что структура, методы исследования и надежно установленные результаты, представленные в конкретных разделах природоведения, для теории познания – примерно то же самое, что совокупность экспериментальных фактов для каждой из предметных областей. Но есть и другая сторона взаимодействия философии и естествознания. Освоение в естественных науках новых типов системных объектов периодически порождает проблему новых смыслов категорий, определяющих понимание и системное видение этих объектов (категорий части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени). В такие эпохи в сам процесс построения новых теорий интегрируются философские проблемы. Их обсуждение и решение являются одним из условий построения новых теорий. Примером тому служат дискуссии по проблеме понимания причинности в эпоху построения квантовой механики.

Способность выработки новых категориальных смыслов – одна из важнейших особенностей философского познания. В нем есть слой теоретического исследования, в рамках которого происходит генерация нового понимания фундаментальных категорий мышления. Наука заимствует из философии эти результаты и конкретизирует их, адаптируя к собственным проблемам. Эту задачу в эпохи научных революций решали великие ученые, создававшие новые фундаментальные теории и новую научную картину мира: Г. Галилей, И. Ньютон, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн, Н. Бор, Н. Винер, В. И. Вернадский.

В. С. Стёпин впоследствии не раз уточнял и конкретизировал проблему прогностических функций философии в научном познании [3]. Развивая идею философии как самосознания культуры, он выявил механизмы конструирования ею новых категориальных смыслов, выходящих за рамки культурной традиции той или иной эпохи и адресованных будущему [4].

В ходе нашего почти шестилетнего внутриуниверситетского общения обсуждались и «Философские вопросы современной физики» – увесистый фолиант [5], содержащий отголоски той идеологической атаки на теорию относительности и квантовую механику, которая была предпринята еще в «роковые сороковые», но «захлебнулась» вследствие энергичного противодействия ведущих физиков – участников советского атомного проекта. Книга тем не менее оказалась опубликованной. В ней блюстители идеологической стерильности естествознания, привыкшие реагировать не столько на смысл сказанного, сколько на его звучание, усмотрели в термине «наблюдатель», всеупотребительном в релятивистской и квантовой теории, «протаскивание» субъективного идеализма в физику. На страницах этой книги встречались и такого рода пассажи: недопустимо, чтобы по страницам учебников разгуливали наблюдатели, подрывающие марксистско-ленинскую теорию познания [5].

Помнится, В. С. Стёпин заметил, что мысленные эксперименты специальной теории относительности, в которых фигурировали идеализированные наблюдатели, позволили выявить новые характеристики пространства – времени. И здесь мы имеем дело с демонстрацией активного характера человеческой познавательной деятельности, что как раз соответствует идеям К. Маркса о том, что познаваемый объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики.

Следует отметить, что в этом пункте у В. С. Стёпина был предшественник из числа тогдашних крупных физиков-теоретиков СССР (о чем я узнал значительно позже). Академик М. А. Марков в статье, опубликованной в одном из номеров журнала «Вопросы философии» за 1947 г., защищал традиционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики от невежественных идеологических нападок, ссылаясь именно на работу К. Маркса «Тезисы о Фейербахе». Так или иначе, но в момент моего появления в Институте физики и математики я был уже неплохо вооружен и в методологическом плане.

В 1957 г. институт возглавил Борис Иванович Степанов, сменивший первого директора института А. Н. Севченко, занявшего пост ректора БГУ. Диапазон общенаучного кругозора Бориса Ивановича отчетливо проявился в одном важном отношении: он тонко чувствовал необходимость учета того аспекта, который в настоящее время принято называть социокультурной составляющей естественно-научного исследования. Это обстоятельство проявилось в глубоком и органичном интересе к истории физики и ее методологическим проблемам.

С момента создания института Б. С. Степанов организовал философский семинар, в числе активных участников которого я оказался практически с первых же дней своего пребывания в учебном заведении. Уровень семинара заметно выходил за рамки типовой ячейки «партиполитпроса» – идеологической структуры, обязательной для каждого научного учреждения в те времена. Наглядным показателем зрелости и реальной дееспособности семинара может служить тот факт, что, помимо учебно-образовательных функций, ему оказалось под силу осуществление квалифицированной экспертизы тогдашних свежих философских работ, претендующих на новизну в вопросах методологии науки. Мне запомнились два эпизода, связанные с контактами между степановским семинаром и Институтом философии и права Академии наук БССР. Как-то Б. И. Степанов откликнулся на поступившую из института просьбу обсудить выполненную там диссертационную работу, посвященную методологическому анализу дилеммы «вещество – поле» в физике. Высказанные в ходе обсуждения острые и одновременно конструктивные замечания поставили автора перед необходимостью существенной доработки диссертации, что и позволило в последующем ее успешно защитить.

О втором эпизоде стоит рассказать более подробно, поскольку он имел в свое время некоторые социально значимые последствия.

Строгий партийный контроль за развитием философской мысли в АН БССР привел к тому, что содержащиеся в книге критика «реакционного эйнштейнианства» и призыв к созданию «материалистической теории быстрых движений» были, судя по всему, восприняты как руководство к действию.

В рамках официальной программы исследований Института философии и права АН БССР к концу 1950-х гг. было подготовлено достаточно объемное сочинение, доказывающее, что никакого единства вещественного пространства с мнимым временем быть не может. И вообще, специальная теория относительности – это (цитирую по памяти, но почти дословно) «лишь внешне великолепно орнаментированный храм эпохальных парадоксов, воздвигнутый на шаткой почве единственного ошибочно истолкованного эксперимента» (имелся в виду опыт Майкельсона – Морли). С этим автор идеи и ответственный исполнитель темы, один из ведущих научных сотрудников Института философии и права АН БССР А. К. Манеев пришел к нам на семинар, причем по собственной инициативе. Ознакомление с манускриптом показало, что автор не имеет представления ни о реальном содержании критикуемой им теории, ни об истории ее создания и месте в системе знания о физическом мире, не говоря уже об отсутствии у него необходимых элементарных познаний в области оптики и электромагнетизма.

В процессе бурного и продолжительного обсуждения у участников семинара возникло впечатление, что автор стал понемногу осознавать глубину своих заблуждений. Во всяком случае к концу заседания он выглядел явно озадаченным и клятвенно обещал воздержаться от публикации своего сочинения. Однако спустя некоторое время, в 1960 г., этот текст в первоизданном виде под заголовком «К критике обоснования теории относительности» был выпущен издательством «Наука и техника» под грифом Института философии и права АН БССР. Особую пикантность изданию

придавала выраженная в предисловии авторская «благодарность философскому семинару Института физики АН БССР под руководством Б. И. Степанова за полезные обсуждения». Разразился скандал всесоюзного масштаба. Ф. И. Фёдоровым, М. А. Ельяшевичем и мной была написана рецензия, фактически полностью воспроизводящая ту оценку содержания книги А. К. Манеева, которая была дана при обсуждении ее рукописного варианта на семинаре Института физики АН БССР. Эта рецензия позднее была опубликована в журнале «Успехи физических наук» [6]. В декабре 1960 г. в Институте философии АН СССР состоялось обсуждение книги А. К. Манеева. Выводы, сделанные московскими специалистами, полностью совпали с нашими.

Эта история изрядно подпортила и без того не слишком привлекательный имидж белорусской философии в общесоюзном масштабе, и В. С. Стёпину пришлось первоначально столкнуться с некоторыми проблемами в процессе налаживания творческих контактов с представителями новой философско-методологической волны, возникшей в СССР в атмосфере хрущевской оттепели.

Институт физики АН БССР быстро рос и в научном, и в структурно-организационном отношении, так что модель единого философского семинара «для всех» трансформировалась в следующую конструкцию: каждому подразделению – свой семинар, каждому семинару – профессиональный философ-консультант. Так возник методологический семинар лаборатории теоретической физики Института физики АН БССР, название которого – «Происхождение и структура научной теории» – исчерпывающим образом определяло его проблематику.

Руководителем семинара стал автор этих строк. Вячеслав Семенович оформил де-юре уже привычный для него статус философа-консультанта де-факто.

Полагаем, что В. С. Стёпин сформировался как потенциальный лидер будущей методологической школы уже к началу 1970-х гг. Была завершена произведенная нами «в четыре руки» по стёпинским «методологическим лекалам» историческая реконструкция процесса создания электромагнитной теории Дж. Максвелла. Методологические работы В. С. Стёпина начали появляться на страницах высокоавторитетных профилированных изданий и сразу же привлекли внимание философского сообщества.

Нужно сказать, что лидеры белорусских научных школ Ф. И. Фёдоров, Б. И. Степанов, М. А. Ельяшевич исключительно высоко оценивали философский и методологический талант ученого и оказывали ему постоянную поддержку на достаточно крутых поворотах его жизни и творчества.

В самом конце 1960-х гг. мы с В. С. Стёпиным написали небольшую книгу, посвященную методологическим проблемам физики. Встал вопрос о ее опубликовании, что оказалось трудноразрешимо. Дело в том, что незадолго до этого в ходе очередной идеологической кампании, прокатившейся по Советскому Союзу в связи с чехословацкими событиями, В. С. Стёпин был исключен из партии, а затем восстановлен со строгим выговором. Разумеется, он попал в разряд крамольных авторов и вопрос о возможности опубликования его философских работ в Беларуси поднялся до уровня задачи о квадратуре круга. И в этих условиях Ф. И. Фёдоров, ознакомившись с содержанием нашей рукописи, согласился быть ее научным редактором и рекомендовал ее к опубликованию в академическом издательстве «Наука и техника» по тематическому плану отделения физико-математических наук. Книга увидела свет в 1970 г. под названием «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» и получила вдохновляющие для авторов отзывы [7].

Сегодня представляется глубоко символичным, что «первый ученик» научной школы Б. И. Степанова доктор физико-математических наук Павел Андреевич Апанасевич в далеком 1975 г. выступил в качестве официального оппонента на защите в БГУ докторской диссертации В. С. Стёпина «Проблема структуры и генезиса физической теории». Ее содержание легло в основу фундаментальной монографии «Становление научной теории», опубликованной издательством БГУ в 1976 г. и положившей начало признанию стёпинской методологической концепции не только в СССР, но и в дальнем зарубежье.

На этом фоне позиция белорусского академического истеблишмента выглядела достаточно контрастной. В 1980 г. накануне выборов в Академию наук БССР

Знать, чтобы предвидеть...

В. С. Стёпин уже получил «отпущение политических грехов» из уст самого Петра Мироновича Машерова – первого секретаря ЦК КПБ. Была адресно открыта вакансия член-корреспондента по специальности «Философия». Кандидатуру В. С. Стёпина поддержал ученый совет Института физики АН БССР, агитировать за него на общее собрание отделения общественных наук пришел даже президент АН БССР, известный физик-спектроскопист Н. А. Борисевич, но преодолеть глухую стену непонимания со стороны некоторых влиятельных представителей верхушки белорусского академического философского сообщества так и не удалось. Вспоминаю, как в перерыве для голосования маститый философ-академик К. П. Буслов, окруженный группой членов отделения, возмущенно говорил: «Этот Стёпин! Он, видите ли, все знает: и философию, и физику, и архитектуру, и искусство!» При этом было видно, что его негодование вполне искреннее.

Резюмируя, можно сказать, что эксклюзивный характер феномена минской методологической школы состоит в следующем: начальный этап ее формирования проходил в интеллектуальной и социокультурной атмосфере, философская составляющая которой была малоприспособленной для творческого дыхания, зато естественно-научная – оказалась исключительно благоприятной и стимулирующей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Важно, чтобы работа не прекращалась (интервью академика В. С. Стёпина член-корреспонденту Российской академии наук И. Т. Касавину) // *Вопр. философии*. 2004. № 9. С. 16–71.
2. *Стёпин В. С.* Становление научной теории (содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний в физике). Минск, 1976.
3. *Стёпин В. С.* Конструктивные и прогностические функции философии // *Вопр. философии*. 2009. № 1. С. 5–10.
4. *Стёпин В. С.* Наука и философия // *Вопр. философии*. 2010. № 8. С. 58–75.
5. *Философские вопросы современной физики* / под ред. А. А. Максимова [и др.]. М., 1952.
6. *Ельшевич М. А., Фёдоров Ф. И., Томильчик Л. М.* Рецензия на книгу А. К. Манеева «К критике обоснования теории относительности» // *Успехи физ. наук*. 1961. Т. 74. Вып. 8. С. 757–759.
7. *Стёпин В. С., Томильчик Л. М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970.

Поступила в редакцию 20.06.2015.